ВСТРЕТИЛИСЬ ВНОВЬ...

ВЫ — ПЕДАГОГ. Каждые пять лет от вас уходят в жизнь, в театр, кончают курс ваши ученики — режиссеры, будущие руководители театров, воспитатели, наставники актеров, люди, которым вручено вместе с дипломом ответственнейшее право формировать сознание, вкусы людей.

Потом вы получаете от них письма — не от всех, конечно, но от многих. В письмах говорится об удачах, успехах и трудностях.

Но вам-то хочется самому во всем убедиться, своими глазами посмотреть на жизнь-бытье тех, кому вы целых пять лет отдавали мысли, сердце, все, что знаете сами.

Мы, педагоги театрального искусства, искусства режиссуры, довольно сильно разобщены; пополнение нашей профессиональной кладовой происходит почти исключительно за счет личного, повседневного опыта. А наблюдение за тем, как работают в театре твои бывшие ученики, ненавязчиво подсказывает, что правильно, а что неправильно было в твоей системе, методике обучения и воспитания, в чем ее сильные стороны и в чем изъяны. Эта проверка опытом, практикой твоих бывших учеников укрепляет в намерениях, уничтожает сомнения, колебания, наталкивает на новые мысли, педагогические ходы и т. п.

МНЕ КАЖЕТСЯ, что рассказ о моей поездке в Литву, Шяуляй, к Мамертасу Карклялису, и в Клайпеду к Повиласу Гайдису — моим ученикам, окончившим режиссерский факультет ГИТИСа в 1961 году и теперь работающим главными режиссерами, может принести определенную пользу.

ИЗ ШЯУЛЯЙ — в портовый город Клайпеду, к Повиласу Гайдису. На курсе он был самым молодым. Ему в огромной степени свойственны юмор, склонность к комедии. Поэтому, когда для постановки своего дипломного спектакля он выбрал «Оптимистическую трагедию», мы удивились и забеспокоились: справится ли — ведь задача-то труднейшая.

Я смотрела тогда его дипломный спектакль и была искренне обрадована: в нем проявились режиссерская воля,

заразительность и неподдельный интерес к созданию ярких сценических характеров.

Как и прежде, в годы учебы, Гайдиса отличают какая-то особая гармоничность, ясность в восприятии мира, умение отчетливо раскрыть на сцене самые сложные жизненные явления. И это отразилось в его спектаклях.

Например, в «Часовщике и курице». В его постановке (она была отмечена республиканской премией) пьеса оставляет общее ощущение ласкового юмора, идущего в данном случае от точнейшего понимания исторической перспективы. Его не интересует символично-философское толкование образов, коллизий; и это — не от облегченности, а от ясного понимания возможностей пьесы, ее границ, объема ее мысли. Режиссерская мысль читается в спектакле отчетливо: да, мир переменялся, и это к лучшему, хотя и не каждый находит в нем свое место. Простота оформления, пластического решения делают эту пьесу с ее несколько излишне усложненной стилистикой доходчивой, доступной пониманию зрителей.

Пожалуй, ярче всего дарование Гайдиса проявилось в «Короле-Олене», где комедийная стихия захватила все и вся, даже самого злодея Тарталью (артист Б. Браускас) и все его злодейства. Спектакль был рожден в атмосфере импровизации и сохраняет эту атмосферу, обновляет и освежает ее, каждый вечер меняя «объект» импровизации, шуток в зависимости от того, чем живет театр, город в данный момент. Сценической свободе, изяществу, легкости актеров, их импровизационному самочувствию в этом спектакле могут позавидовать многие.

Содержание пьесы «Как вам живется, сорванцы?» Г. Казювичя очень похоже на «Традиционный сбор» В. Розова, хотя написана она на три года раньше. Видимо, тема нравственного спроса, требовательности к себе и к окружающим живет сегодня в людях, волнует их, и это один из показателей их духовного роста. Оглянись, подумай — так ли ты живешь, как требуешь время, люди, жизнь! — этот призыв нужен. В нем и секрет заразительности пьесы, которая идет уже три года.

Особенно хорош в спектакле образ старого учителя, о котором его бывшие ученики вспоминают с душевным

волнением, решая вопрос: «А имею ли я право показать ему на глаза?». Учитель, ставший совестью своих учеников, — фигура, говорящая о многом сердцу зрителя.

И в этом спектакле (а всего я видела в Клайпедке четыре спектакля) с серьезной нравственной проблематикой Гайдис остается Гайдисом — с его светлым мироощущением, с бьющим через край сердечным юмором, и, может быть, эти его черты для меня особенно ценны и привлекательны.

Я, кажется, не стану говорить о том, как необходим в искусстве юмор и как нам его недостает. (Впрочем, он также нужен и в жизни, и тут тоже подчас ощутима его нехватка). Юмора, шуток, добродушной насмешливости... Я вспоминаю о том, как ценили это в жизни и на сцене К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, И. М. Москвин и А. Д. Попов. Как ценили и как сами умели и любили шутить. Без юмора — я в этом убеждена — не бывает настоящего искусства, и потому мне хочется видеть и воспитать его в каждом своем ученике. Убеждена, это не толкнет будущего режиссера на путь облегченного искусства, к скольжению по поверхности, а, напротив, придаст его произведениям жизненную силу.

ИТАК, я снова увидела своих «старых» учеников, их спектакли, несущие в себе заряд истинного творчества, созданные в сложных условиях жизни маленьких театров. Мне кажется, что очень важно нам, педагогам, все время как бы иметь перед глазами эти примеры и помнить об условиях, в которых предстоит работать многим нашим ученикам. Помнить для того, чтобы ежедневно вырабатывать в них бескомпромиссность в искусстве, заранее готовить их к трудностям практической работы.

Личность режиссера. Как многое она определяет в театре! В своей поездке к ученикам я еще раз (в который!) убедилась в этом и, конечно, горжусь тем, что они, мои ученики, выдержали экзамен на творческую честность, принципиальность, экзамен на творческую и человеческую зрелость.

И как хотелось бы, чтобы те, кто сегодня еще проходит курс режиссерской науки в стенах учебных заведений, как можно раньше поняли, что режиссер должен много, очень много знать и уметь, чтобы после государственных экзаменов в институте выдержать еще и испытание театром, жизнью в нем.

Рост человека в искусстве театра начинается гораздо раньше, чем он попадает в театр. В институте «закладываются» принципы, там он должен научиться отстаивать их и развивать. Научиться много и бескорыстно работать, считать эту работу своим жизненным долгом.

Именно так работают молодые литовские режиссеры М. Карклялис и П. Гайдис. Работают с актерами, потому что актер — «главное лицо в театре»; с авторами, над современной литовской пьесой, потому что твердо знают: авторское слово, пьеса — основа спектакля.

Эти двое не порывают дружеских связей, возникших в ГИТИСе: ездят друг к другу смотреть спектакли и потом обсуждают их, вместе размышляют над увиденным в других театрах.

Они помнят ГИТИС, наши уроки, и это для меня, педагога, значит очень много.

М. КНЕБЕЛЬ.

(«Советская культура»).

Соб. Клайпедск,
1968, сентябрь
20 ИЮН 1968 8961 ИЮН 0